

Pro et Contra

Весна 2000

Россия — США — мир

Россия, США и мировое развитие

Николай Косолапов

Третий возраст: российско-американские отношения на пороге XXI века

Дмитрий Тренин

Российско-американский контроль над стратегическими вооружениями и международная безопасность

Александр Пикаев

Доброе слово о внешней политике Клинтона

Стивен М. Уолт

Во имя национальных интересов

Кондолиза Райс

Pro et Contra

Том 5, № 2
Россия — США — мир

СТАТЬИ

Третий возраст: российско-американские отношения на пороге XXI века

Дмитрий Тренин 7
«Создаётся впечатление, будто американцы из XX века вступили в XXI, а российские элиты — в XIX, а потому мысленно им чрезвычайно трудно сойтись вместе».

Российско-американский контроль над стратегическими вооружениями и международная безопасность

Александр Пикаев 20
«...Россия заинтересована в соглашении, которое бы обеспечивало реальное равенство сил, а не маскировало превосходство США. Если этого достичь не удастся, меньшим злом для Москвы был бы выход из ряда действующих разоруженческих соглашений».

Комиссия Гор—Черномырдин: рождение, жизнь, смерть... воскресение?

Владимир Батюк 40
«Много лет Комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству служила надёжной опорой положительной динамики двусторонних отношений. Но стоять всё время на одной ноге нельзя, а создать аналог Комиссии в военно-политической сфере Москва и Вашингтон так и не смогли».

Будет ли новый лидер у новой Америки?

Михаил Рыхтик 54
«Тот, кто одержит победу в сражении за Белый дом, получит в наследство процветающую страну, руководить которой, правда, придётся в совершенно новых условиях».

Новые независимые государства как сфера интересов России и США

Никита Ломагин 65
«Ещё десять лет прежней политики, сочетающей имперскую риторику с бездействием, и Москва по собственной вине безвозвратно «потеряет» новые независимые государства».

Доброе слово о внешней политике Клинтона

Стивен М. Уолт 86

«Поскольку Соединённые Штаты так сильны, а Россия столь слаба, Клинтон мог себе позволить игнорировать чувства русских, когда это приносило непосредственные политические выгоды».

Во имя национальных интересов

Кондолиза Райс 103

«Соединённым Штатам оказалось крайне трудно определить свои основные национальные интересы в отсутствие фактора советской мощи. У нас нет ясного представления о том, что же пришло на смену советско-американской конфронтации».

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Россия, США и мировое развитие

Николай Косолапов 121

«Если США оказались единственной глобальной державой, лидерство которой не только завоёвано в борьбе с конкурентами, но и в какой-то мере навязано ей обстоятельствами, то Россия только ещё начинает борьбу за... что? За место в американоцентристском мире или в том, который сложится в постамериканскую эру?».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сможет ли российская наука понять, что происходит в России?

Владимир Пантин 138

«Исследовательский аппарат, предлагаемый западной наукой, ограничен условиями его существования и нуждается в «достройке». Попытки обойтись без неё порождают кризис гуманитарных наук. Больше всего он ощущается в России, но затрагивает не только её».

РЕЦЕНЗИИ

Россия и США после «холодной войны» / Отв. ред. В.А. Кременюк

Павел Подлесный 149

J. M. Goldgeier. Not Whether But When: The U.S. Decision to Enlarge NATO

Михаил Троицкий 151

Новые независимые государства как сфера интересов России и США

Никита Ломагин

Пока существовали Российская империя, а затем СССР, другие государства могли реализовывать свои интересы в Украине, на Кавказе и в Средней Азии только через Санкт-Петербург и Москву. После 1991 года США, Иран, Турция, Китай, Япония, Израиль, Саудовская Аравия и ряд международных организаций заметно укрепили своё присутствие на постсоветском пространстве, а новые независимые государства соответственно получили более широкие возможности для внешнеполитического манёвра. Однако сильнее всего влияет на них по-прежнему Россия. Так называемое ближнее зарубежье — регион с ярко выраженным лидером и асимметричной взаимозависимостью: Россия, правда, зависит от бывших республик СССР, но те от неё — гораздо больше. Поскольку Москва склонна считать всё постсоветское пространство сферой своих жизненных интересов¹, новые независимые государства вынуждены приспосабливаться к ней, но полностью в её кильватере не следуют.

Американскую политику по отношению к странам СНГ (в том числе на Каспии) значительная часть российских элит воспринимает как антироссийскую. В руководстве же США бытует мнение, будто по ряду параметров внешняя политика России в ближнем зарубежье носит неоимперский характер и строится на максимальном противодействии США². На этом, казалось бы, локальном направлении особенно отчётливо выступают принципиальные расхождения в подходах сторон к широкому спектру международных проблем. Особо следует выделить разногласия по таким проблемам, как:

- формирование нового мирового порядка и проблема лидерства (США добиваются признания своего глобального лидерства, в том числе на постсоветском пространстве; Россия же придерживается концепции многополярного мира, где на её долю приходится роль региональной сверхдержавы с широкими «правами и обязанностями» на бывшей советской территории);
- воздействие глобализации на страны с переходной экономикой и открытие для США и Западной Европы доступа к таким прежде закрытым для них регионам, как Кавказ и Центральная Азия, крайне привлекательным с точки зрения ресурсов;

- создание системы региональной безопасности и расширение НАТО на бывшие советские республики, адаптация договора об обычных вооружениях в Европе с учётом нестабильности на Северном Кавказе;
- урегулирование региональных конфликтов на постсоветском пространстве и оценка российского миротворчества в этом регионе, понимание необходимости борьбы с международным терроризмом;
- «девальвация» государственного суверенитета и возрастание роли прав человека, в том числе во время вооружённых конфликтов вроде чеченского;
- диверсификация рынков углеводородного сырья и маршрутов его транспортировки при освоении недр Каспия.

Анализируя современные российско-американские отношения в связи и по поводу новых независимых государств, а также перспективы развития этих отношений, я рассматриваю в статье несколько вопросов. В чём стороны видят свои интересы и насколько те обоснованны? Являются ли противоречия между Россией и США символическими или же материальными? Поддаются ли возникшие проблемы мирному решению? Справедливо ли утверждение, будто отношения с новыми независимыми государствами подчёркивают проблему геостратегического выбора, стоящую перед Россией? Отвечает ли интересам России приоритетность сотрудничества с государствами СНГ? Если реализация данного интереса вызовет конфронтацию с США и Западом, как это отразится на модернизации России?

Россия: сфера жизненных интересов или неоимперский тупик?

После распада СССР возникла новая стратегическая реальность. В России её стали описывать понятием «ближнее зарубежье», относящимся к 15 новым независимым государствам. Предполагалось, что в странах, входивших прежде в состав Российской империи, соседствующих с Россией (или расположенных вблизи от неё) и имеющих многомиллионные русскоязычные диаспоры, у Москвы есть особые интересы.

Создавая в конце 1991 года Содружество Независимых Государств, российские политики считали его «единственной на тот момент возможностью сохранения единого геополитического пространства» (Борис Ельцин)³. Большинство политической элиты полагало, что необходимо сохранить самые тесные экономические и военные отношения со странами СНГ, защитить права русскоязычного населения, добиться, чтобы Белоруссия, Казахстан и Украина передали России своё ядерное оружие, и не допустить развития событий на её южных рубежах по югославскому сценарию. Приоритетность отношений со странами СНГ либеральные аналитики обосновывали тем, что «внешнее благополучие России будет

на 90 проц. зависеть не от отношений с Америкой и Европой — при всей их важности, а от способности влиять на политику Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших республик СССР»⁴.

Однако точнее сформулировать цели и задачи российской политики по отношению к новым независимым государствам не позволила скорость, с которой распался СССР. Кроме того, учреждение СНГ не сопровождалось соглашениями по ряду важнейших вопросов: о правопреемстве, разделе собственности, возможных территориальных спорах и т. п. Именно поэтому многие расценили тогда создание СНГ как форму «цивилизованного развода» республик. Просчёты, допущенные при демонтаже Советского Союза, заблокировали впоследствии реинтеграцию.

Российские политики-демократы рассчитывали, что тесные экономические связи между республиками, составлявшими части единого народнохозяйственного комплекса (в том числе единое рублёвое пространство), будут естественным образом стимулировать интеграцию. Ставка делалась и на то, что страны СНГ проявят большую заинтересованность в военном сотрудничестве (особенно в сохранении совместных вооружённых сил, системы ПВО и коммуникаций), поскольку оно позволит экономить затраты на оборону. В Москве полагали также, что механизмы военного сотрудничества можно будет использовать при разделе армейского имущества, а политическое сотрудничество — при решении проблем, связанных с распадом федеративного государства. Дополнительным интегративным фактором считали близость культур (особенно с Белоруссией и Восточной Украиной).

В 1990—1991 годах российские лидеры поддержали борьбу прибалтийских и других республик за независимость, проявив по отношению к ним добрую волю. К концу 1991-го РСФСР подписала двусторонние договоры об экономическом и политическом сотрудничестве уже с большинством союзных республик и рассчитывала на ответное доброжелательство.

Запаса доверия к России хватило, однако, лишь на создание СНГ. Поначалу страны-участницы Содружества добивались международно-правового признания, получить которое без взаимной поддержки не могли. Однако элиты новых государств опасались, как бы рано или поздно Москва не пожелала вновь играть первую скрипку. Основания для таких опасений были: Россия

- * осталась экономически самой мощной державой в регионе, малые же государства оказались уязвимыми перед её экономической политикой и решениями в сфере внешней торговли (остальные страны СНГ, кроме Узбекистана, Туркменистана и Азербайджана, зависели от российских энергоносителей; в Москве же рычагами внешней политики в «ближнем зарубежье» без стеснения называли нефть и газ⁵);

- сохранила самый крупный военный потенциал, включавший ядерное оружие;
- стала правопреемницей СССР в международных организациях и постоянным членом Совета Безопасности ООН;
- обладала более опытным и квалифицированным руководством, нежели другие новые независимые государства.

Представления российской элиты о политике на постсоветском пространстве начали довольно быстро меняться. Одно время неоимперские тенденции связывали главным образом с оппозицией в Верховном Совете, однако в парламенте претензии на особую роль России на постсоветском пространстве выдвигала не одна она. Весной 1992 года это сделал председатель Комитета ВС по международным делам Евгений Амбарцумов, критически оценивший правительственную политику в «ближнем зарубежье»: «Россия, несомненно, есть нечто большее, нежели Российская Федерация в её нынешних границах. Поэтому её геополитические интересы следует рассматривать намного шире, чем они представлены на сегодняшних картах. Наш парламент не потерпит нарушений прав этнических русских в странах Балтии. Мы также обеспокоены ситуацией на южных границах России... Существует угроза исторического реванша. Всем известен многовековой конфликт между Россией и Турцией. Я не говорю, что правительство Турции сегодня намерено потребовать возврата части побережья Чёрного моря и Крым. Однако, думая о будущем, надо это иметь в виду. Вакуум всегда заполняется враждебными силами»⁶. В 1992 году Верховный Совет начал обосновывать территориальные претензии к Украине, а в июле 1993-го провозгласил российскую юрисдикцию над Севастополем и неделимость Черноморского флота.

Впрочем, не только в Верховном Совете полагали, будто спорные вопросы ещё можно «перерешить». По некоторым из них в 1992—1993 годах с парламентариями были солидарны президент и МИД. Ельцин заявил: «Черноморский флот был, есть и будет российским. Никто, даже Киев, не заберёт его у России»⁷. Министр иностранных дел Андрей Козырев назвал идею раздела флота абсурдной, а летом 1992 года дал понять, что, мол, вопрос о Крыме остаётся открытым и границы можно изменить мирным путём⁸.

К 1993 году в России сформировался консенсус по вопросу о значении «ближнего зарубежья»⁹. Его важнейшими элементами можно считать следующие идеи:

- в силу исторических и геополитических причин этот регион имеет для России большее значение, нежели для любой другой великой или региональной державы;
- здесь Россия вправе противодействовать интересам любых других государств;

- необходимо препятствовать формированию в бывших советских республиках враждебных России альянсов и коалиций, а также не допускать возникновения здесь нестабильности, ибо это ослабляет российские позиции в регионе;
- недопустимо считать статус русскоязычного населения в «ближнем зарубежье» исключительно внутренним делом тамошних правительств; это объект законной озабоченности российского государства — как по символическим, так и по материальным мотивам (обустройство беженцев и вынужденных переселенцев);
- периметр бывшего СССР важен для России в геостратегическом отношении;
- Запад использует временную слабость Москвы для подрыва её позиций в жизненно важном регионе¹⁰.

Одновременно менялась и политика самих новых независимых государств, не желавших поступаться только что обрётённым суверенитетом: они хотели обзавестись собственными армиями и проводить собственную политику в области безопасности. Разногласия по поводу вывода российских войск и статуса военных пенсионеров де-факто превратили отношения со странами Балтии в холодную войну.

Непросто складывались даже отношения с большинством республик, вошедших в СНГ. Государства «десятки» по-разному смотрели на перспективы Содружества. Если страны Центральной Азии ратовали за долгосрочное углубляющееся сотрудничество с Россией, то Украина, напротив, считала своё участие в СНГ шагом к полной переориентации на Запад. Формирование внутри Содружества «союза двух» (Россия и Белоруссия), «четырёх» (те же плюс Казахстан и Киргизия), а затем и «пяти» («четвёрка» плюс Таджикистан) ситуацию существенно не улучшило. Из недавних партнёров члены Содружества превратились в жёстких конкурентов, борющихся за одни и те же рынки оружия и энергоносителей, за иностранные инвестиции и т. д. Права добывать каспийскую нефть добывались сразу четыре страны-участницы СНГ (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Россия). Содружество оказалось плохо приспособленным к разрешению конфликтов между его членами: отсутствовали процедуры улаживания кризисных ситуаций, а также санкции по отношению к государствам, заявившим о желании выйти из СНГ (Украина).

Резюмируя сложившуюся ситуацию, можно сказать, что в первой половине 90-х годов в своих отношениях с новыми независимыми государствами Россия столкнулась с тремя основными проблемами:

- раздел бывшей советской собственности,
- обеспечение прав русскоязычного населения,
- миротворчество.

По вопросу о *собственности* все новые независимые государства, кроме Украины, согласились на «нулевой вариант», по которому Россия бра-

ла на себя выплату внешнего долга СССР, получая взамен его активы. Согласно бывших советских республик участвовать в единых вооружённых силах стран СНГ (начало 1992 года) сделало неактуальной и проблему раздела армейского имущества.

Киевские же политики усматривали главную угрозу своей национальной безопасности в Москве. У Украины было достаточно экономических, людских и геополитических ресурсов, чтобы предъявить претензии на военную собственность. Нежелание Киева отказаться от своего ядерного оружия в пользу России сильно обеспокоило Кремль, поскольку могло послужить дурным примером для Казахстана и Белоруссии. Такую же реакцию вызвали и претензии Украины на Черноморский флот, который Россия и Объединённое командование вооружёнными силами СНГ считали стратегическим и, следовательно, принадлежащим всем странам-членам Содружества.

Что касается *положения русскоязычных меньшинств* на территории новых независимых государств¹¹, то Ельцин ещё в 1990—1991 годах не раз говорил, что, подписывая соглашения с другими республиками, он надеется тем самым заложить правовую базу для защиты прав русских и говорящих по-русски. Проблема была не только в том, чтобы создать этим диаспорам условия для существования. России было бы не под силу справиться с потоком беженцев из сопредельных государств, который грозил российскому обществу социальными катаклизмами и остановкой реформ. Однако в ряде республик, и прежде всего в прибалтийских, оставшихся там русских считали «пятой колонной» Москвы.

Трения возникли и в связи с российскими амбициями выступить в роли главного *миротворца*: участие российских военных в локальных конфликтах служило раздражителем в отношениях Кремля с Молдавией, Таджикистаном и Грузией.

США: от «русоцентризма» к геополитическому плюрализму

С лёгкой руки американского геополитика Збигнева Бжезинского в отношениях между Москвой и Вашингтоном обычно выделяют два периода: 1991—1993 годы и с 1994-го по настоящее время.

Первый период охватывал два с небольшим года после распада СССР, когда перспективы государственного строительства во многих новых независимых государствах были ещё неясны. Вашингтон делал тогда ставку на Россию в надежде, что начатые там политические и экономические реформы будут иметь быстрый успех. Обновлённой России отводилась роль локомотива демократического развития других постсоветских государств.

США поддержали Москву по вопросу о разделе собственности и выплате советского долга. Они предпочли иметь дело с Россией, обладав-

шей огромными природными ресурсами и активами, а не с несколькими странами, чья экономическая и политическая состоятельность вызывала сомнения. Вашингтон однозначно встал на сторону России и в том, что касалось раздела военного имущества.

Стихийная приватизация бывшими республиками арсеналов обычного оружия грозила перерастанием политических и идеологических диспутов в военные. Однако укреплению тогдашней пророссийской внешнеполитической ориентации Вашингтона способствовали главным образом колебания Киева по вопросу об оставшемся на её территории ядерном оружии¹². Перспектива расширения «ядерного клуба» и превращения Украины в третью по величине ядерного потенциала державу мира была для США намного опаснее «локальных разборок» между Москвой и Киевом по поводу Крыма и Черноморского флота¹³.

США выступили посредником и активно помогали (в том числе материально) довольно быстро и безболезненно вывести российские войска из стран Балтии. Вашингтон сумел убедить Таллин и Ригу дать России время, чтобы компенсировать потерю двух ключевых для её безопасности баз на северо-западе (Скрунде и Пальдиски), и оказал содействие при обустройстве выведенных из Прибалтики воинских формирований. Конструктивное сотрудничество по этим вопросам нередко считают «медовым месяцем» в отношениях обеих стран.

Таким образом, в 1991—1992 годах, стремясь опереться на самое мощное и стабильное государство, администрации Джорджа Буша, а затем Билла Клинтона реалистически оценивали ситуацию на постсоветском пространстве. Тесно сотрудничая с Россией по вопросу о судьбах украинского ядерного оружия, США предоставили Москве свободу рук в «ближнем зарубежье» (кроме стран Балтии).

Однако у «русоцентризма» были и свои пределы; он отличался от традиционной политики сдерживания только приглушённой формой¹⁴. Сказывались наследие холодной войны и затаённая подозрительность по отношению к России¹⁵. Уже весной 1992-го в стенах Пентагона появился документ с красноречивым названием «Предотвратить появление нового противника». Он формулировал главную политическую и военную задачу США после окончания холодной войны следующим образом: не допустить появления в Западной Европе, Азии и на территории бывшего Советского Союза новой сверхдержавы¹⁶. По мнению авторов проекта «Руководство по планированию в вопросах обороны Пентагона на 1994—1999 финансовые годы», «лучший способ добиться, чтобы ни одна враждебная держава не установила контроль над ресурсами бывшего СССР, — поддержать попытки новых независимых государств (прежде всего России и Украины) построить демократические общества с рыночной экономикой. Наиболее лучшим исходом для Соединённых Штатов было бы демократическое

партнёрство с Россией и другими республиками. Одновременно мы должны противостоять возможностям провала реформ, восстановления агрессивной военной власти в России или аналогичных режимов в других новых независимых государствах, что способно породить конфликты в бывшем СССР или в Восточной Европе. На ближайшую перспективу США обеспокоены прежде всего тем, способны ли Россия и другие республики провести демилитаризацию и конверсию военных предприятий, избавиться от ядерного потенциала, а в случае с Россией существенно сократить его и предотвратить утечки современных военных технологий в другие страны»¹⁷.

Уже в начале 90-х возникли трения между Москвой и Вашингтоном по поводу миротворчества на постсоветском пространстве. Поначалу российские руководители рассчитывали на активную поддержку американцев в этом вопросе, считая, что, сохраняя мир и стабильность в Евразии, Россия защищает интересы всего цивилизованного мира¹⁸. В феврале 1993 года Ельцин заявил, что международным организациям, в том числе ООН, следовало бы предоставить России особые полномочия «гаранта мира и стабильности» в регионе¹⁹, но не встретил понимания со стороны США. Белый дом счёл амбиции Кремля проявлением неоимпериализма.

Второй период в истории российско-американских отношений знаменует изменение политики Вашингтона по отношению к России и новым независимым государствам. Этот сдвиг отразил переход США к «реальной» политике и их стремление к абсолютному лидерству. Белый дом перестал скрывать свои подозрения относительно замыслов России и крайне отрицательно отнёсся к намерению Москвы получить в своё распоряжение возможно большую долю природных ресурсов Каспия и право транспортировать добываемую там нефть через свою территорию.

На изменение политики США повлияли два фактора:

- ратификация украинским парламентом Договора ОСВ-1 (ноябрь 1993) и
- дебаты в американских правительственных кругах о стратегическом значении независимой Украины. Споры эти были во многом спровоцированы итогами выборов в Государственную думу, отставкой министров-реформаторов, входивших в кабинет Виктора Черномырдина, выступлением Москвы на стороне сербов в югославском конфликте, скандалом вокруг Олдрича Эймса, претензиями России на постсоветскую территорию как сферу жизненных интересов, а позднее и первой чеченской войной.

Некоторые американские аналитики критиковали Клинтона за то, что, меняя внешнеполитический курс, тот якобы руководствовался не продуманной долгосрочной стратегией, а сиюминутными соображениями. Председатель Комитета по международным делам Палаты представите-

лей Конгресса США Бенджамин Гилман даже уподобил внешнюю политику демократов «серии волнующих звуков непонятого происхождения»²⁰. Впрочем, добываясь своего, Клинтон проявил настойчивость. К началу его президентства «интернационализм» американского общественного мнения заметно ослаб по сравнению с тем, какие настроения царили сразу после окончания холодной войны или во время «Бури в пустыне». Клинтон, однако, на поводу у массовых настроений не пошёл²¹.

Так или иначе, но в начале 1994 года «медовый месяц» российско-американских отношений кончился. Архитектора американской политики в СНГ Струба Тэлботта подвергли критике, а Государственный департамент США взял на вооружение концепцию «геополитического плюрализма»²². Из всех государств СНГ она выделяет несколько ключевых (Украина, Азербайджан, Узбекистан) с намерением сконцентрировать ресурсы на важнейших направлениях.

На Украину как основной объект американской политики на постсоветском пространстве выбор пал не случайно²³. «Безопасность Украины, без сомнения, наиболее важное и существенное выражение постсоветского плюрализма. По этой причине союзники по НАТО считают, что в долгосрочной перспективе сохранение суверенной Украины отвечает интересам альянса», — характеризует сложившуюся ситуацию Бжезинский²⁴.

Россия, по его мнению, недостаточно сильна политически, чтобы навязать свою волю странам «ближнего зарубежья», и недостаточно привлекательна экономически, чтобы соблазнить их. Давление Москвы лишь вынудит эти страны искать связи с Западом, Китаем и исламскими государствами на юге, и значит, внешнеполитический «акцент на «ближнее зарубежье» стал для России не геополитическим решением, а геополитическим заблуждением»²⁵. «Выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь чёткого отречения от имперского прошлого... В этом отношении наиболее важное значение имеет необходимость ясного и недвусмысленного признания Россией отдельного существования Украины, её границ и национальной самобытности»²⁶.

Вряд ли можно полностью согласиться с этим тезисом. Во-первых, было бы странно ожидать от какого-либо государства, чтобы оно отказалось от пристального внимания к соседям: например, чтобы США игнорировали интересы собственного бизнеса в Канаде и Мексике, перестали обращать внимание на потоки иммигрантов в Калифорнию и деятельность латиноамериканских наркодельцов, не реагировали на мнимые и реальные угрозы со стороны исламских фундаменталистов на территории Соединённых Штатов или «забыли» о недружественном режиме на крошечном острове вблизи Флориды. Даже если российскую внешнюю политику по отношению к странам «ближнего зарубежья» считать неудач-

ной, из этого ещё не следует, будто её неблагоприятные результаты предопределила заведомо ошибочная стратегия. Приоритетное значение новых независимых государств для России — не плод свободного выбора, а объективная реальность.

Во-вторых, приоритетный характер отношений с соседями вовсе не предполагает автоматического отказа от стратегического партнёрства с Западом. Альтернатива «либо СНГ, либо Запад» некорректна. Российское руководство, без сомнения, будет действовать на обоих направлениях, учитывать неоднородность постсоветского пространства и чётче расставлять акценты. Однако у России есть опыт несостоявшегося партнёрства с США, и потому проблема стратегического выбора относится и к американским политикам: если те захотят улучшить отношения с Москвой, им придётся пройти свою часть пути ей навстречу.

Впрочем, несмотря на свою кажущуюся антироссийскую направленность геополитический плюрализм вряд ли нанесёт особенно большой вред России. Если плодом этой политики станет пояс стабильных демократических государств вокруг нашей страны, то он сможет защитить её от международного терроризма и обеспечить равноправие национальных меньшинств (и прежде всего русскоязычного населения), позволив России сосредоточиться на внутренних проблемах. К тому же американцы хотели бы видеть украинскую экономику открытой и уже сократили программы помощи Киеву за дискриминацию американских инвесторов²⁷. Пикантность ситуации в том, что растущей открытостью своего западного соседа может воспользоваться Москва. Свободных средств, которых хватило бы на оздоровление чрезвычайно энергоёмкой экономики Украины, нет ни у США, ни у ЕС. Перефразируя Бжезинского, замечу: Украина слишком велика, её энергетика слишком неэффективна, Запад же чересчур увяз в Югославии, чтобы в обозримом будущем кардинально изменить украинскую энергетику. А потому долги российскому ТЭКу ещё долго будут отягощать отношения между Киевом и Москвой. Если отечественные предприятия, и прежде всего «Газпром», получат право участвовать в приватизации украинских предприятий в счёт просроченной задолженности, они смогут постепенно контролировать энергетику, а впоследствии, возможно, и другие базисные отрасли этой страны.

Разумно было бы проявить и большую сдержанность в ответ на заявления американской администрации об «открытости» Североатлантического альянса для новых членов. Ведя переговоры о будущем отношений Россия—НАТО, важно не ограничиваться оценкой военно-стратегических последствий вероятного расширения НАТО. Выработка чётких критериев приёма в эту организацию и их обнародование сделали бы такой процесс понятным и предсказуемым, дав России ясные ориентиры. Спротивляясь дальнейшему расширению НАТО за счёт новых независимых

государств, российское руководство не может отрицать, что сама подготовка к вступлению в альянс и ЕС благоприятно сказывается на политике этих стран, стабилизируя их политические системы, смягчая территориальные и этнические споры и конфликты. Государства, вступающие в НАТО и ЕС (Латвия, Эстония) пересматривают, например, своё отношение к русскоязычному населению.

Сохранив в принципе возможность вступления России в НАТО (при одновременном усилении роли ОБСЕ), можно было бы снять многие опасения Москвы. Американской администрации сделать это нелегко. Политики — и демократы, и республиканцы — убеждены, что для распространения демократических ценностей США необходимо стать мировым лидером и в этом качестве противостоять «неоимперской» угрозе, якобы исходящей от России. В одной из своих недавних речей госсекретарь США Мадлен Олбрайт припомнила утверждение Уолтера Липпмана времён холодной войны: несмотря ни на что советская угроза — благо для Америки, ибо не даёт ей впасть в застой и спячку. «Наша задача, — заметила Олбрайт, — доказать, что Липпман не прав. Да, нам не противостоит Гитлер или Сталин. Однако столь же великая задача, как противостояние такому дьяволу... создать условия, при которых он не будет нам снова угрожать. Для Америки не существует каких-либо пределов. Мы не являемся и никогда не были страной status quo. Мы всегда полагали, что будущее можно сделать лучше прошлого»²⁸.

Каспий — опорный край державы...

Есть у США на постсоветском пространстве и другие интересы, противоречащие российским: контроль над добычей нефти в Каспийском регионе и её транспортировкой. В период масштабных реформ Россия сохраняла относительную стабильность, затыкая бреши в бюджете выручкой от продажи энергоносителей. Поэтому всё, что существенно влияет на конъюнктуру мирового рынка углеводородного сырья, неизбежно сказывается на ситуации в России. Ирак, наказанный нефтяным эмбарго за агрессию против Кувейта, — пример того, как нефтяная монодержава может оказаться на краю пропасти.

Запасы нефти на Каспии несопоставимы с разведанными запасами в районе Персидского залива²⁹, но их всё же достаточно, чтобы добывать в будущем около 6 млн. баррелей в день и поставлять большую часть этих объёмов в Европу и Турцию. США и ряд других стран Запада хотели бы ослабить свою зависимость от ОПЕК, создав энергетическую альтернативу. Заманчива и перспектива зарабатывать на бедных и податливых постсоветских государствах, не вкладывая практически ничего в обеспечение их безопасности. Искусная дипломатия Вашингтона, напрямую не вовлечённого в спор о статусе Каспия, может принести политические дивиден-

ды: укрепив репутацию США как «честного брокера», открыть новые горизонты при посредничестве в карабахской проблеме и свести к минимуму возможность возникновения евразийских Балкан.

Вокруг Каспия сталкиваются интересы государств, оказавшихся в новой геополитической ситуации. С распадом СССР соперничество на Кавказе обострилось, и США пробуют закрепить за собой роль арбитра, а за Турцией — регионального лидера, противодействующего исламскому фундаментализму в Иране и Афганистане³⁰. Последовательно проводя политику диверсификации энергетических рынков, Вашингтон поддерживает освоение каспийских месторождений и строительство нефтепровода Баку—Джейхан, проходящего через территории Азербайджана, Грузии и Турции. По мнению американцев, этот проект укрепит суверенитет новых независимых государств и их взаимное сотрудничество, поможет им осознать общность судеб и получить немалую материальную выгоду. Важная часть этой политики — вовлечение закавказских государств в региональное сотрудничество и взаимодействие с международными институтами, а также постепенная интеграция в мировую экономику. Это позволит стабилизировать ситуацию на энергетических рынках Европы и США и откроет новые возможности перед американским бизнесом. Высокоставленный чиновник Госдепартамента Стивен Сестанович заметил, что энергоносители могут быть причиной конфликта, инструментом контроля или препятствием на пути развития, но способны также открыть дорогу к процветанию и миру, обеспечив связь с внешним окружением. Американские дипломаты подчёркивают, что поддерживают участие в проекте российских компаний и использование действующего российского нефтепровода.

Москва, как известно, пробовала помешать разработке нефтяных месторождений до окончательного урегулирования правового статуса Каспия, но своего не добила. Из-за отсутствия у России согласованной внешней политики Азербайджан при поддержке Запада согласился на минимум уступок. Российский МИД направлял протесты в Лондон, где готовился многосторонний контракт на разработку каспийских недр; Служба внешней разведки РФ предупреждала, что этот документ угрожает национальной безопасности страны. А в то же время Виктор Черномырдин, выражая интересы отечественных нефтяных компаний, заверял Гейдара Алиева, что-де у России «нет проблем» с подписанием соглашения³¹. России в любом случае вряд ли удалось бы предотвратить реализацию «проекта века», но включиться в него на более выгодных условиях она наверняка смогла бы. К тому же для самостоятельного освоения богатств Каспия у неё нет необходимых средств и технологий, а потому сотрудничество с Западом необходимо. Москва же не только потеряла инициативу, но и не сумела отстоять свой вариант транспортировки основ-

ной нефти. Закончилась каспийская сага на стамбульской встрече лидеров государств-членов ОБСЕ, где соглашение о строительстве нефтепровода Баку—Джейхан было подписано в присутствии американского президента. Вероятно, изменится и соотношение сил в армяно-азербайджанском конфликте — не в пользу надёжного союзника России в Закавказье.

Впрочем, как именно огромные запасы полезных ископаемых повлияют на будущее региона, пока не вполне ясно. Превратятся ли прикаспийские государства в подобие Норвегии, или же их ждёт участь Нигерии, зависит не только от инвесторов, но и от самих новых независимых государств: смогут ли они выработать разумную экономическую политику, провести структурные реформы в промышленности и сельском хозяйстве, бережно тратить нефтедоллары, контролировать нефтедобычу и подавлять коррупцию. Этнические конфликты, сепаратизм и пограничные споры, авторитарные черты политических режимов в этих странах питают пессимистические оценки будущего. Предвкусывая это, Вашингтон намерен играть в регионе активную роль. *«Тот, кто будет доминировать в вопросе доступа к данному региону, скорее всего и окажется в выигрыше в геополитическом и экономическом плане... Именно эти соображения сделали таким важным для будущего бассейна Каспийского моря и Центральной Азии вопрос о прокладке трубопровода»,* — считает Бжезинский³².

Он чётко сформулировал две составляющих американской политики на Кавказе. С одной стороны, диверсификация трубопроводов означает конец монополии Москвы на доступ в регион. Ей придётся приспособиться к постимперской реальности, смирившись с тем, что полностью закрыть регион для внешних сил больше не удастся и что недостаток средств не позволит ей разрабатывать каспийские нефтяные месторождения исключительно собственными силами. Геостратегически США заинтересованы в том, чтобы ни одно государство не контролировало Каспийский регион единолично и чтобы мировое сообщество имело беспрепятственный доступ к нему. В их глазах попытки Москвы восстановить былую монополию вредят региональной стабильности. Но вместе с тем активное участие России в разработке ресурсов Каспия очень важно с экономической и политической точек зрения³³.

Впрочем, интересы США в регионе не ограничиваются добычей и транспортировкой нефти. Пользуясь слабостью Москвы, Вашингтон не прочь укрепиться экономически в чувствительной для неё зоне, сформировать там необходимые коммуникационные артерии, консолидировать прилегающие к ним новые независимые государства, создать региональный экономический и военно-политический союз в противовес России, а в перспективе и вовсе вытеснить её из Закавказья и Центральной Азии.

В ожидании российского Ататюрка

Чтобы показать, какие уроки российское руководство вынесло из своей политики в «ближнем зарубежье», обращусь к новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации. В соответствии с этим документом «ближнее зарубежье» остаётся приоритетным в деятельности внешнеполитического ведомства³⁴. С политикой третьих стран по отношению к новым независимым государствам авторы Концепции связывают и основные международные угрозы, а именно:

- ослабление политического, экономического и военного влияния России в мире;
- появление в непосредственной близости от её границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов;
- ослабление интеграционных процессов в СНГ;
- возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы России и внешних границ государств-участников СНГ³⁵.

Исходя из этого, Концепция придаёт большое значение развитию отношений с ними, и особенно отвечающим интересам России интеграционным процессам, урегулированию конфликтов, а также развитию международного сотрудничества в борьбе против транснациональной преступности и терроризма. Эффективное взаимодействие с государствами СНГ важно для России, в частности, потому, что ослабляет центробежные тенденции внутри страны. На этот аспект проблемы указывал заместитель председателя думского Комитета по обороне Алексей Арбатов: «внешняя оболочка» сферы господства за рубежами страны нужна для того, чтобы гарантировать неприкосновенность ядра³⁶.

Преобразование России в один из влиятельных полюсов современной мировой политики действительно требует сотрудничества с ближайшими соседями. Проблема, однако, заключается в том, что постоянные заявления о приоритетности этого направления российской внешней политики звучат скорее как заклинания, а бывшие советские республики в спорных ситуациях предпочитали и предпочитают обращаться за помощью к США. Вашингтон эффективно посредничал между Россией, странами Балтии и Украиной, между Грузией и Азербайджаном (при установлении транзитных пошлин за транспортировку нефти по маршруту Баку—Джейхан), Азербайджаном и Арменией (в карабахской проблеме).

Абсолютно прав Алексей Арбатов, говоря, что «фундаментальным пороком политики Москвы в постсоветском пространстве была и остаётся неопределённость в отношении своих конкретных интересов, отсутствие реалистических целей... Коренная причина такого положения — в неспособности российских политиков... осознать, наконец, что, как бы ни относиться к роспуску Союза в декабре 1991 г., как бы велика ни была специфика отношений России с бывшими «братскими республиками» они уже не особая группа со-

соседних стран, а государства соответствующих примыкающих к России и очень разных регионов, в каждом из которых Москва имеет специфические проблемы и интересы... Однако вместо чёткого определения своих интересов и их обеспечения на двусторонней или, где удобнее, на многосторонней основе, Москва пошла по пути универсализма и утратила ориентацию в постсоветском пространстве...»³⁷. Единообразный, стандартный подход к постсоветскому региону как к целому не имеет смысла. Новые независимые государства слишком сильно отличаются друг от друга по численности и структуре населения, внутривнутриполитической ситуации, радикальности экономических преобразований, зависимости от российских энергоресурсов, наличию российских военных баз и контингентов и в целом по значению этих стран для России. Поэтому и сама политика по отношению к ним, а также её инструменты должны быть дифференцированы.

В первые годы после распада СССР просчёты российской дипломатии в «ближнем зарубежье» ещё можно было в известной мере объяснить или оправдать остротой внутривнутриполитической борьбы и отсутствием экономически мотивированных групп, способных рационализировать и экономизировать внешнюю политику. Однако теперь интересы национального бизнеса во многом оформились, так что есть основания говорить о «газовой» дипломатии «Газпрома», «нефтяной» — «ЛУКОЙла», «военно-технической» — Минатома и «Росвооружения». Формирование прокремлёвского большинства в Думе тоже должно было бы благоприятствовать проведению единой и рациональной политики в «ближнем зарубежье». Предпринята и попытка разработать более детальную и реалистическую концепцию российской внешней политики на постсоветском пространстве: это сделал Совет по внешней и оборонной политике в подготовленной им «Стратегии для России: повестка дня для Президента-2000».

Встаёт вопрос: поддаются ли в принципе интеграции сокращающиеся экономические организмы и если да, то что этот процесс может принести России³⁸? История показала, что взлёт великих держав (империй) предполагал наличие у них обширных ресурсов, позволявших содержать огромные армии. Упадок же (или распад) происходил вследствие либо военных поражений (Оттоманская империя, Испания, Франция), либо такого ослабления (Великобритания), что деколонизация оказывалась неизбежной³⁹. «Империи никогда не возрождались, — считает Алексей Арбатов, — во всяком случае в прежних общественных формах и границах, и потому психологически объяснимая ностальгия по «России, которую мы потеряли» — будь то Царская Империя или Советский Союз — в смысле государственной политики есть, несомненно, тупиковый и — более того — самоубийственный путь»⁴⁰.

Однако стремление сохранить доминирующие позиции на утраченной территории психологически понятно. Ни одно западное государство

соседних стран, а государства соответствующих примыкающих к России и очень разных регионов, в каждом из которых Москва имеет специфические проблемы и интересы... Однако вместо чёткого определения своих интересов и их обеспечения на двусторонней или, где удобнее, на многосторонней основе, Москва пошла по пути универсализма и утратила ориентацию в постсоветском пространстве...»³⁷. Единообразный, стандартный подход к постсоветскому региону как к целому не имеет смысла. Новые независимые государства слишком сильно отличаются друг от друга по численности и структуре населения, внутривластной ситуации, радикальности экономических преобразований, зависимости от российских энергоресурсов, наличию российских военных баз и контингентов и в целом по значению этих стран для России. Поэтому и сама политика по отношению к ним, а также её инструменты должны быть дифференцированы.

В первые годы после распада СССР просчёты российской дипломатии в «ближнем зарубежье» ещё можно было в известной мере объяснить или оправдать остротой внутривластной борьбы и отсутствием экономически мотивированных групп, способных рационализировать и экономизировать внешнюю политику. Однако теперь интересы национального бизнеса во многом оформились, так что есть основания говорить о «газовой» дипломатии «Газпрома», «нефтяной» — «ЛУКойла», «военно-технической» — Минатома и «Росвооружения». Формирование прокремлёвского большинства в Думе тоже должно было бы благоприятствовать проведению единой и рациональной политики в «ближнем зарубежье». Предпринята и попытка разработать более детальную и реалистическую концепцию российской внешней политики на постсоветском пространстве: это сделал Совет по внешней и оборонной политике в подготовленной им «Стратегии для России: повестка дня для Президента-2000».

Встаёт вопрос: поддаются ли в принципе интеграции сокращающиеся экономические организмы и если да, то что этот процесс может принести России³⁸? История показала, что взлёт великих держав (империй) предполагал наличие у них обширных ресурсов, позволявших содержать огромные армии. Упадок же (или распад) происходил вследствие либо военных поражений (Османская империя, Испания, Франция), либо такого ослабления (Великобритания), что деколонизация оказывалась неизбежной³⁹. «Империи никогда не возрождались, — считает Алексей Арбатов, — во всяком случае в прежних общественных формах и границах, и потому психологически объяснимая ностальгия по “России, которую мы потеряли” — будь то Царская Империя или Советский Союз — в смысле государственной политики есть, несомненно, тупиковый и — более того — самоубийственный путь»⁴⁰.

Однако стремление сохранить доминирующие позиции на утраченной территории психологически понятно. Ни одно западное государство

не смирялось легко с распадом своих империй. Великобритания и Франция в своё время всячески старались сохранить влияние на ставшие политически независимыми колонии. Поэтому нетрудно было предвидеть аналогичную реакцию России — особенно если учесть число этнических русских, оставшихся за её пределами, а также реальные угрозы безопасности, исходившие с постсоветской территории. Впрочем, столь же предсказуемой была и тщетность усилий сохранить полный контроль над регионом и его ресурсами⁴¹.

Итак, какое-то время ни у России, ни у США не было осознанных и чётко артикулированных интересов и ясной стратегии относительно новых независимых государств. Поэтому и противоречия в двусторонних отношениях носили скорее символический характер: Россия объявляла постсоветское пространство сферой своих жизненных (читай: исключительных) интересов, а США преподносили своё присутствие на постсоветском пространстве как демократический мессианизм нового мирового лидера. Символические проблемы обычно с трудом поддаются решению, ибо любой компромисс оборачивается уроном репутации или созданием нежелательного прецедента. Поэтому решение проблем, затрагивающих фундаментальные различия ценностного характера, нормы и правила игры, требует времени и терпения. Иногда это становится возможным лишь после ухода со сцены тех, кто принимал прежние решения. Смена политического руководства облегчает преодоление инерции, позволяет старым словам и символам зазвучать по-иному. России, во всяком случае, предстоит переформулировать свою позицию по отношению к новым независимым государствам — всем вместе и по отдельности. В частности, ей придётся признать, что модель ЕС принципиально неприменима к СНГ. Не менее важно изжить фрагментацию внешней политики и свести к минимуму ущерб от разнонаправленности интересов газового, нефтяного, атомного, металлургического, военного и прочих лобби. Вообще, следует приготовиться к тому, что Россия получит на постсоветском пространстве (в том числе на Каспии) не абсолютные, а лишь относительные выгоды, а потому ей следует вступить в конструктивный диалог со всеми странами, готовыми сотрудничать с государствами-участниками СНГ и с ЕС.

Стратегия России должна быть направлена на то, чтобы перейти от состояния напряжённой нестабильности в регионе к позитивной взаимозависимости. Ещё десять лет прежней политики, сочетающей имперскую риторику с бездействием, и Москва по собственной вине безвозвратно «потеряет» новые независимые государства. Культурный капитал (русский язык как средство межнационального общения, общее советское прошлое) иссыкает, экономическая взаимозависимость слабеет. Бывшие советские республики привыкают решать свои проблемы и жить без России. Политически многие страны уже отдалились друг от друга.

У России есть достаточные основания для того, чтобы укрепить свои позиции на постсоветском пространстве. Её козыри — это:

- статус постоянного члена СБ ООН и гигантский ядерный потенциал, гарантирующие России, по крайней мере, статус одного из региональных лидеров;
- запасы стратегического сырья, позволяющие влиять на многие страны СНГ;
- географическая близость к другим бывшим советским республикам и сохранившиеся культурные и экономические связи с ними;
- крупные русскоязычные диаспоры в этих странах, позволяющие использовать интеллектуальный и культурный потенциал соотечественников для развития экономических, культурных и других связей;
- готовность (в отличие от Запада, увязшего в югославском урегулировании) взять на себя миротворчество на постсоветском пространстве;
- неудачи некоторых стран СНГ (например, Таджикистана, Белоруссии, Армении, Киргизии, Казахстана) в области государственного строительства;
- консолидация власти, политическая воля, которую демонстрирует новый президент, повышение эффективности государственных органов, что создаёт более благоприятные условия для проведения активной внешней политики;
- характер политических режимов в ряде новых независимых государств (особенно в Узбекистане и Туркменистане), делающий невозможным «демократический диктат» Вашингтона.

Конечно, ресурсы США, позволяющие им усилить свои позиции в регионе, тоже велики. Помимо финансовых и дипломатических возможностей они включают в себя общность интересов с Турцией, частично — с Китаем, а в будущем, возможно, и с Ираном. Китай покровительствует контактам между Пакистаном и Афганистаном, что делает более «открытым» Туркменистан, укрепляет независимость и его, и Узбекистана. По оценкам американских экспертов, улучшение отношений с Ираном расширило бы доступ в Каспийский регион и укрепило бы независимость Азербайджана.

Итак, в скрытой форме конфликт интересов на постсоветском пространстве существовал и до 1994 года, но тогда США нуждались в содействии Москвы при закреплении безъядерного статуса Украины, Казахстана и Белоруссии. Добившись своего, США изменили стратегию, хотя ядерный потенциал России и режим нераспространения по-прежнему остаются главными *bargaining chips* в отношениях между США и Россией. Интерес США к региону будет и впредь поддерживать каспийская нефть, имеющая для американцев такое же стратегическое значение, что и для

россиян. Позиции сторон можно сблизить, а скрытый антагонизм преодолеть, если Москва, реалистичнее оценив свои возможности в регионе, признает принципиальную невозможность сохранить полный контроль над ним. Тогда из яблока раздора Каспий способен превратиться в фактор регионального мира и процветания.

Вашингтон будет и впредь проявлять интерес к странам СНГ как к сфере приложения своих лидерских амбиций, компенсируя тем самым некоторое ослабление американских позиций в Западной Европе. К тому же на постсоветском пространстве легко продемонстрировать внешнеполитическую эффективность Белого дома.

Больших перемен в случае прихода к власти республиканцев ждать не приходится. Конечно, за восемь лет тесного сотрудничества с российским руководством Альберт Гор накопил немалый опыт, он хорошо знает российскую политическую элиту, что облегчило бы взаимопонимание между Белым домом и Кремлём. Но, с другой стороны, традиционный консерватизм и прагматизм республиканцев, их меньшая склонность к идеологической риторике, желание сократить расходы на внешнеполитическую деятельность могут в перспективе смягчить российско-американские противоречия по поводу новых независимых государств, поскольку те во многом сохраняют для США символическое значение. Важно нащупать, а затем развернуть сотрудничество в сферах, представляющих взаимный интерес: борьба с международным терроризмом и распространением радикальных течений в исламе, с организованной преступностью и наркоторговлей, взаимовыгодное освоение ресурсов Каспия.

Наверстать упущенное Москве будет очень трудно. За десятилетие часть бывших союзных республик «развелась» с Россией, а вакуум влияния в регионе успел заполниться. На новом этапе нашей стране предстоит сделать рациональный выбор: сохранять складывавшиеся десятилетиями традиции и привычки поведения на имперском пространстве или отказаться от них. Последнее в состоянии осуществить лишь выдающийся лидер, обладающий сильной политической волей, способный сделать исторический выбор в пользу современной европейской и демократической России, — лидер масштаба Ататюрка, который в своё время решил: постоттоманской Турции следует отказаться от имперских амбиций и вступить на путь трансформации, европеизации и демократизации.

Поскольку модернизация нынешней России по сталинскому образцу исключена, её относительно быстрое обновление возможно только вместе с Западом, что предполагает чёткую и выверенную политику по отношению к новым независимым государствам. Способно ли новое российское руководство учиться на ошибках своих предшественников и делать соответствующие выводы, покажет время.

Примечания

- ¹ Menon R. After Empire: Russia and the Southern «Near Abroad» // The New Russian Foreign Policy / M. Mandelbaum (ed.). Wash.: A Council of Foreign Relations Book, 1998. P. 100—101.
- ² Российско-американские отношения на рубеже веков: Доклад рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике. М., 1999. С. 8.
- ³ Ельцин Б. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. С. 152—153.
- ⁴ Цит. по: Шаклеина Т.А. Российская внешнеполитическая мысль: В поисках национальной стратегии. М.: МОНФ, 1997. С. 115.
- ⁵ См.: Kuzio T. Ukrainian Security Policy // The Washington Papers. № 167. Wash., D.C.: Praeger, 1995. P. 71.
- ⁶ Цит. по: Rumer E.B. Russian National Security and Foreign Policy in Transition / Project Air Force. Santa-Monica: RAND, 1995. P. 22. Ещё определённое высказался по этому поводу политолог Андраник Мигранян, подвергший в августе 1992 года резкой критике внешнюю политику Андрея Козырева за то, что та-де основывалась на «ложном представлении о национальных интересах России». По мнению Миграняна, Россия *de jure* и *de facto* призвана играть особую роль на всём геополитическом пространстве бывшего СССР. «Не международные структуры, не Соединённые Штаты или НАТО, а Россия должна быть фактором, определяющим судьбу геополитического пространства бывшего СССР, заранее объясняя при этом мотивы своего поведения в соседних странах. Я предвижу обвинения в великодержавности в связи с вопросом об объявлении бывшего СССР сферой наших особых интересов... В начале прошлого века Соединённые Штаты, провозгласив доктрину Монро, заявили о своих особых правах во всём Западном полушарии. В начале 1980-х годов они назвали Западную Европу, Центральную и Латинскую Америку, а также Ближний Восток сферами своих жизненных интересов. Сегодня Соединённые Штаты рассматривают весь мир, включая отдельные области бывшего СССР, зонами своих жизненных интересов...» (Росс. газ. 1992. 4 авг.). С аналогичными заявлениями выступали известные российские политики, призывавшие «показать зубы и защитить тысячелетние интересы России... уделять особое внимание СНГ как особой и самостоятельной сфере внешней политики» (см.: Станкевич С. Феномен державы // Росс. газ. 1992. 23 июня; Adomeit H. Russian National Security Interests // Security Dilemmas in Russia and Eurasia / R. Allison, Ch. Bluth (eds.). L.: Royal Inst. of Internat. Affairs, 1998. P. 36.).
- ⁷ The Guardian. 1992. Jan. 10.
- ⁸ Le Monde. 1992. June 7—8.
- ⁹ В те годы его нередко именовали российским вариантом доктрины Монро. Впрочем, известный российский эксперт по вопросам национальной безопасности Алексей Арбатов считает это уподобление некорректным (см.: Арбатов А.Г. Российская национальная идея и внешняя политика: Мифы и реальность. М.: МОНФ, С. 32. [Сер. Научные доклады. № 53]).
- ¹⁰ Эта позиция России многократно подвергалась критике за рубежом. Менон писал, например: «Стремление к гегемонии, то есть к исключительному влиянию на то, что делают новые независимые государства дома и на международной арене... будет обременительным и может привести к сложностям. Оно может даже потерпеть крах... Но это совсем не значит, что Москва не будет пытаться обеспечить свою гегемонию. Правительства часто ошибаются в своих расчётах» (см.: Menon R. Op. cit.).
- ¹¹ В 1989 году 73,7 млн. граждан СССР жили за пределами своих национальных территорий и большая их доля приходилась на русских — около 25 млн. (или 17,7 проц. всего русскоязычного населения). Из них около 45 проц. проживало на Украине (что составляло там 22 проц. всего населения), 25 проц. — в Северном Казахстане (около

- 41 проц. населения). Остальные 30 проц. были разбросаны по всей территории бывшего СССР с наименьшей концентрацией в республиках Закавказья.
- ¹² Леонид Кравчук и первый заместитель министра иностранных дел Борис Тарасюк заявили, что в случае утраты Крыма Украина откажется от своего безыядерного статуса.
- ¹³ Ломагин Н.А. Россия и Украина: Четыре года отношений (1991—1995 гг.) Ч. 1. // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 6. Вып. 2. С. 106—107.
- ¹⁴ В 1947 году известный американский дипломат Дж. Кеннан так характеризовал эту политику: «Главным элементом политики Соединённых Штатов по отношению к Советскому Союзу должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание российских экспансионистских тенденций (см.: *Kenman G. The Sources of Soviet Conduct (July 1947) // The American Encounter: The United States and the Making of the Modern World: Essays from 75 Years of Foreign Affairs / J.F. Hage, F. Zakaria (eds.). N. Y.: Basic Books, 1997. P. 163*).
- ¹⁵ Ещё до распада СССР аналитики указывали на то, что будущее отношений между Москвой и Вашингтоном во многом будет определяться, во-первых, неготовностью США строить свои отношения на принципах равенства, во-вторых, стремлением американцев доминировать и, наконец, привычкой использовать идеологические ярлыки применительно к бывшему противнику по холодной войне (см.: *Rubinstein A.Z. Soviet Foreign Policy Since World War II: Imperial and Global. Boston.: Scott, Foresman and Co, 1989. P. 356*).
- ¹⁶ *U.S. Strategy Plan Calls For Insuring No Rivals Develop: A One-Superpower World // The New York Times. 1992. March 8. P. 4.*
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ Эту точку зрения выразил, в частности, специалист по российской внешней политике Андрей Кортунов. Россия, писал он, «превратилась в важнейший форпост Запада, отражающий волны религиозного фундаментализма, национализма и политического экстремизма, поднимающегося на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах бывшего СССР. Следовательно, Запад обязан не только одобрить действия Москвы, но и всячески содействовать им, включая и финансовую помощь» (*Кортунов А.В. США—Россия: К более зрелой фазе отношений // Международная жизнь. 1994. № 11. С. 54—55*).
- ¹⁹ *Шаклеина Т.А. Указ соч. С. 129.*
- ²⁰ *News from the House International Relations Committee. Opening Statement of Chairman Benjamin A. Gilman. Assessing the Administration's Foreign Policy: The Record After Six Years. 1998. Oct. 8.*
- ²¹ *Chanley V.A. U. S. — Public Views of International Involvement from 1964 to 1993 // Journ. of Conflict Resolution. 1999. Febr. Vol. 43. № 1. P. 31—32.*
- ²² Ломагин Н.А. Указ. соч. С. 92.
- ²³ Основатель украинской геополитики Степан Рудницкий (Бжезинский — его последователь) ещё в начале 20-х годов писал: только владея Украиной, Россия получает выход к Чёрному морю, позволяющий ей стремиться к проливам, добиваться влияния на Балканском полуострове, угрожать Турции и Средиземноморью, доминировать на Кавказе, оказывать давление на Персию и искать кратчайший выход к Индийскому океану. Обладание Украиной открывает Москве путь к господству над Восточной и Центральной Европой. Отсюда общий вывод Рудницкого: «Не подлежит никакому сомнению, что вновь восстановленная Российская империя, снова опершись на господство над Украиной, неизбежно приобретёт решающее влияние на всём юго-востоке Центральной Европы и на всём Балканском полуострове» (см.: *Rudnitsky S. Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987*).

- ²⁴ Brzezinski Z. A Plan for Europe // Foreign Affairs. 1995. Jan.—Febr. Vol. 74. № 1. P. 31.
- ²⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. С. 139.
- ²⁶ Там же. С. 144.
- ²⁷ News from the House International Relations Committee. Benjamin A. Gilman, Chairman. 1998. March 26.
- ²⁸ http://www.house.gov/international_relations/full/iabudreq/albright.htm
- ²⁹ 28 млрд. баррелей нефти и 243 трлн. куб. футов газа на Каспии против 600 млрд. баррелей нефти и 1600 трлн. куб. футов газа в Персидском заливе (*The Economist*. 1998. Febr. 7—13. P. 71—72).
- ³⁰ Ломагин Н.А. Россия и спор о каспийской нефти: Новые характеристики российской внешней политики // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 6. Вып. 2. 1997. С. 115—116.
- ³¹ Там же. С. 118.
- ³² Бжезинский З. Указ. соч. С. 168.
- ³³ Там же. С. 170, 178—179.
- ³⁴ Документ специально подчёркивает преемственность нынешней и прежней политики в этом регионе: «Национальные интересы России в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета, упрочении позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего с государствами-участниками Содружества Независимых Государств и традиционными партнёрами России» (Дипломатический вестник. 2000. № 2. С. 4).
- ³⁵ Там же. С. 6.
- ³⁶ Арбатов А.Г. Указ. соч. С. 9.
- ³⁷ Там же. С. 32—33.
- ³⁸ По данным Департамента торгово-экономических отношений российского Министерства по сотрудничеству с государствами-участниками СНГ, объём взаимной торговли стран СНГ имел постоянную тенденцию к свёртыванию. Если в 1996 году объём товарооборота в Содружестве составлял 72,2 млрд. долл., то в следующем году он сократился на 2 проц., а в 1998-м — уже на 18 процентов. Не стал исключением и прошлый год: товарооборот составил лишь около 44 млрд. долл., уступая показателю трёхлетней давности на 26 процентов (Независ. газ. 2000. 26 апр.).
- ³⁹ Kennedy P. The Rise and the Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Vintage Books, 1989. P. XXII, 514.
- ⁴⁰ Арбатов А.Г. Указ. соч. С. 59.
- ⁴¹ Future Sources of Global Conflict / T. Taylor, S. Sato (eds.). L.: Royal Inst. of Internat. Affairs, 1995. P. 67.